

Технология ДЭГ в региональном политическом процессе: цифровая трансформация избирательного процесса и механизмы противодействия негативным трендам

Алексей Юрьевич Мамычев
Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова Москва, Россия, mamychev@yandex.ru
Антон Георгиевич Арутюнов
Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия, anton.arutyunov.98@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется процесс внедрения цифровых технологий в региональный политический процесс, обсуждаются негативные и положительные тенденции в цифровой трансформации регионального избирательного процесса. Исследование опирается на эмпирические исследования, проведенные в Центральном, Северо-Западном и Приволжском федеральных округах Российской Федерации. Дистанционное электронное голосование (ДЭГ) рассматривается в качестве технологического ответа на запрос населения по "цифровому упрощению" оказания государственных услуг и развитию интерактивных форм политического участия. В содержание работы прослеживается влияние ДЭГ на трансформацию избирательного процесса и избирательных кампаний региональных политических акторов. Выделяются три типичные стратегии, реализуемые в рамках избирательных кампаний с использованием технологии ДЭГ, а также обсуждаются часто реализуемые манипуляции вокруг ДЭГ и механизмы противодействия последним.

Ключевые слова: дистанционное электронное голосование (ДЭГ), избирательная кампания, региональная политика, политический процесс, цифровая трансформация

Исследование выполнено в лаборатории политико-правовых и социально экономических исследований Владивостокского государственного университета в рамках проекта № FZUG-2024-0006 "Прошлое, настоящее и будущее России в цифровую эпоху: формы и механизмы противодействия негативным контентом и фальсификациям" при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ и Экспертного института социальных исследований.

Для цитирования: Мамычев А. Ю., Арутюнов А. Г. Технология ДЭГ в региональном политическом процессе: цифровая трансформация избирательного процесса и механизмы противодействия негативным трендам // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19. № 1. С. 125–135.
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/125-135>

Original article
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/125-135>

Remote electronic voting technology in the regional political process: digital transformation of the electoral process and mechanisms for countering negative trends

Alexey Yu. Mamychev
Vladivostok State University, Vladivostok, Russia,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, mamychev@yandex.ru
Anton G. Arutyunov
Vladivostok State University, Vladivostok, Russia,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, anton.arutyunov.98@mail.ru

Abstract. The article analyzes the process of introducing digital technologies into the regional political process, discusses negative and positive trends in the digital transformation of the regional electoral process. The study is based on empirical studies conducted in the Central, Northwestern and Volga Federal Districts of the Russian Federation. Remote electronic voting is considered as a technological response to the demand of the population for the "digital simplification" of public services and the development of interactive forms of political participation. The content of the work traces the influence of REV on the transformation of the electoral process and election campaigns of regional political actors. Three typical strategies implemented within the framework of election campaigns using REV technology are highlighted, and often implemented manipulations around REV and mechanisms to counteract the latter are discussed.

Key words: remote electronic voting, election campaign, regional policy, political process, digital transformation

The research was carried out in the Laboratory of Political, Legal and Socio-economic Research of Vladivostok State University within the framework of the project No. FZUG-2024-0006 "The past, present and future of Russia in the digital age: forms and mechanisms of countering negative content and falsifications" with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research

For citation: Mamychev A. Yu., Arutyunov A. G. Remote electronic voting technology in the regional political process: digital transformation of the electoral process and mechanisms for countering negative trends // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19. No. 1. P. 125–135. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/125-135>

Введение

Современная общественно-политическая организация стремительно технологизируется. Цифровизация является лишь первым этапом масштабных трансформаций в социально-экономической и политико-правовой жизни общества [7; 18]. Уже сегодня мы являемся свидетелями кардинальных изменений в традиционных формах и технологиях публично-властной коммуникации в системе личность – общество – государство [21]. При этом внедрение цифровых технологических решений в политический процесс трансформирует как ценностно-смысловые и социально-нормативные основания функционирования традиционных политических институтов, так и различные политические практики, свойственные отдельным гражданам [6].

Более того, интенсивное развитие и внедрение в общественно-политическую практику цифровых технологий и разнообразных алгоритмических решений [2] обуславливает и объективную тенденцию в моделировании как национального образа цифрового будущего общества, так и его отдельных подсистем [1, 14]. Можно прогнозировать, что образы национального и регионального цифрового будущего, специфика и цифровые траектории развития федерального и местного политического процесса в контексте цифровой трансформации традиционных форм, способов и практик публично-властной коммуникации, будут ключевыми в политологической рефлексии и экспертном политическом анализе [10].

Действительно, в период кардинальных изменений в политике и при смене технологического уклада, всегда в общественно-политической истории, повышается значимость проектирования образа будущего. Здесь формы, стратегии и практики "предвосхищения будущего оказывают *большое влияние на природу любого общества*, особенно в вопросах структуры и течение властных отношений" [16, с. 32], поскольку ключевой ресурс власти, особенно в современную эпоху, это "способность определять, как именно будет выглядеть будущее, выбирая из множества возможных вариантов" [16, с. 33]. При этом образ будущего будет выступать в качестве стратегического ориентира общественно-политического развития, основой для формирования федеральных и региональных стратегий, долгосрочных программ трансформации общества и местных сообществ.

Неудивительно, что в современной политике уже наметилось постепенное "переустройство" публичного дискурса, особенно в смысловых и лингвистических формах легитимации тех или иных властно-управленческих решений в сфере внедрения и эксплуатации цифровых технологий [11]. Сегодня в публичной риторике последние обосновываются всё чаще через социотехнический словарь (удобство пользователя, интерактивность, продвинутость и т. п.), нежели посредством апелляции к ценностно-смысловым основам общественно-политической организации. Например, в рамках даже официального публичного дискурса обосновывается, что "электронное голосование – это удобный и адекватный времени цифровой сервис" или "электронное голосование на выборах – такая же удобная модель коммуникации современного человека, как и использование других дистанционных услуг и сервисов" [19].

Отметим, что общим тенденциям технологизации общественных систем и цифровым траекториям трансформации политического процесса в настоящее время посвящён достаточно большой массив публикаций и экспертных отчётов [15]. В то же время региональным аспектам цифровой трансформации общественно-политических отношений уделяется меньше внимания. Поэтому в рамках настоящей статьи предлагается рассмотреть один из значимых векторов цифровизации регионального политического процесса, а именно процесс внедрения и реализации технологии дистанционного электронного голосования (ДЭГ) в Центральном, Северо-Западном и Приволжском федеральных округах Российской Федерации.

Действительно, начиная с середины 10-х годов XXI в., в рамках регионального политического процесса на региональном уровне наблюдается устойчивый тренд на цифровую трансформацию политических технологий. Последнее преимущественно выражалось в следующем:

– *во-первых*, в переходе значительной доли политической агитации, политической рекламы в цифровое пространство, а также представление политически значимой информации о выборах, ходе избирательной кампании в

сети интернет, главным образом, в социальных сетях, интерактивных цифровых площадках и каналах, мессенджерах и т. д.;

– во-вторых, организационно-техническая сторона избирательных кампаний – регистрации кандидатов, работа избирательного штаба, интерактивное взаимодействие с избирателями и пр. также стремительно цифровизировалось. Например, онлайн-банкинг становится обязательным элементом практически любой региональной избирательной кампании;

– в-третьих, внедрение дистанционного электронного голосования (ДЭГ) в рамках региональных избирательных кампаний и выборов депутатов ГД ФС РФ по одномандатным округам в границах региона и, дополнительно, на выборах муниципального представительного органа административного центра субъекта Российской Федерации.

ДЭГ существенно изменяет картину региональных электоральных практик, заставляя всю систему перестраиваться и адаптироваться к новым условиям голосования в регионе.

Теоретико-методологическая и эмпирическая основа исследования

Исследованиям ДЭГ посвящены работы таких авторов, как Виноградова И. М. [5, с. 51], Фёдоров В. И. [17, с. 71], Серeda М. А. [22, с. 42] и других. Объективно можно выделить политико-правовое направление изучения ДЭГ, одним из главных исследователей в рамках этого направления можно назвать Набатникову Е. А. [12, с. 26], а также таких, как Новикова К. Ю. [13], Игнатов А. В. [8, с. 10] и других. Отметим, что в зарубежных научных источниках часто можно встретить критику отдельных методов и технологий реализации ДЭГ на практике [20], что скорее всего связано с отсутствием широкой практики внедрения ДЭГ в большинстве западных стран, хотя исследователи и эксперты отмечают положительные аспекты реализации и внедрения ДЭГ в европейских странах, на пример, в Эстонии [4, с. 14].

Методологическая основа исследования имеет преимущественно междисциплинарный характер, поскольку при рассмотрении цифровизации регионального политического процесса за основу берётся проблемное поле, а не дисциплинарные требования, положения и принципы познания конкретной дисциплины, что не ограничивает ракурс рассмотрения заявленной проблематики. Последнее позволяет рассмотреть сложный и неоднозначный социотехнический процесс трансформации регионального избирательного процесса.

В исследовании также использовался дискурс-анализ аналитических и экспертных материалов, научных исследований, посвященных как общим вопросам цифровой трансформации публичной политики, так и отдельным проблемам цифровизации региональных общественно-политических практик. Кроме того, исследование опирается на глубинное экспертное интервью, которое было реализовано в 15 субъектах Российской Федерации. Экспертами выступили практикующие политики, специалисты в сфере общественно-политического взаимодействия, а также академические исследователи и политические аналитики, непосредственно изучающие процессы цифровизации выборов в регионах и, в частности, проблемы внедрения и использования ДЭГ. Эксперты кроме компетенционного критерия, набирались методом "снежного кома", т. е. по рекомендациям других экспертов, исследователей, аналитиков, ранее привлекаемых к исследованию в другом или в том же регионе.

Исследование выполнено в трёх федеральных округах Российской Федерации, а именно в Центральном, Северо-Западном и Приволжском. В ЦФО РФ исследование реализовано в городе федерального значения Москве, Московской, Тверской, Орловской, Липецкой, Владимирской и Ярославской областях. В ПФО РФ исследование было осуществлено в Республиках Татарстан и Башкортостан, Ульяновской и Саратовской областях. В Северо-Западном федеральном округе в городе федерального значения Санкт-Петербург, Ленинградской, Псковской и Новгородской областях. Если в регионе не было ранее внедрено дистанционное электронное голосование, то вопросы экспертам задавались, во-первых, о практиках в соседних регионах и регионах интереса экспертов-исследователей; во-вторых, задавались вопросы о близких к ДЭГ практикам (к примеру электоральных экспериментах ЦИК РФ, праймериз ВПП "Единая Россия" и т. д.) Основываясь на этих подходах, к исследова-

нию было привлечено 40 экспертов. Они были отобраны по компетенционному и профессиональному принципу, а именно ими выступили политологи, специализирующиеся на проблематике ДЭГ, практикующие политтехнологи и политконсультанты, члены региональных избирательных комиссий, члены ТИК ДЭГ при ЦИК РФ, представители политических партий. Выбор регионов для проведения исследования обусловлен тем, что суммарно них проживает большая часть населения Российской Федерации; учтена широта географического разброса, а также то, что это регионы с высоким уровнем проникновения сети Интернет и развитыми традициями цифрового участия в политической культуре населения этих регионов. Исследование главным образом касается повестки региональных избирательных кампаний с использованием ДЭГ.

ДЭГ как фактор влияния на региональный политический процесс

В политическом процессе современной России ДЭГ реализуется на федеральной платформе во всех регионах, где оно практикуется, за одним существенным исключением. Этим исключением является город федерального значения Москва, который обладает не только уникальной региональной онлайн-платформой, но и внедрил её ранее федеральной, став первым случаем использования ДЭГ в процедуре голосования.

Ранее же применялись лишь варианты использования различных электронных систем подсчёта голосов, уже после формальной процедуры стандартного аналогового голосования. Эксперты на данном этапе отмечают, что создание региональных платформ для реализации ДЭГ не является актуальной частью общественно-политической повестки, хотя несёт некоторые "процедурные бонусы", не превышающие затраты на техническое внедрение подобного рода систем.

Стоит отметить, что техническая сторона вопроса сопряжена с использованием одного и того же набора технологий цифрового и электронного спектра. При этом разница в подходах по созданию собственной онлайн-платформы рассматривается исключительно в плоскости политических и отчасти бюджетно-экономических решений, а не в сфере технологического оснащения.

Ключевым аспектом выступает именно вопрос политического влияния ДЭГ на региональный избирательный процесс. Сам факт его внедрения ещё не оказывает существенного влияния на баланс политических сил в регионе. Видимые политические изменения от внедрения ДЭГ главным образом связаны с информационной кампанией вокруг ДЭГ, а также с последующей корректировкой в структуре избирательных кампаний партий и отдельных кандидатов.

На предварительном подготовительном этапе во время обсуждения внедрения ДЭГ в регионе, а именно во время процессов рассмотрения возможностей региона по вопросам эксплуатации системы ДЭГ в этом субъекте РФ, отмечаются определённые разногласия в экспертном сообществе (о сроках, масштабности и технической готовности региона к внедрению ДЭГ, а также о вопросе политического влияния ДЭГ на региональный политический процесс).

В обоих случаях, т. е. процедуре экспертных консультаций и электоральных экспериментов ЦИК РФ, эти события, по мнению большинства интервьюируемых экспертов, существенного влияния на протекание электоральных кампаний не оказывают, а лишь помогают техническому тестированию систем. Существует и отклоняющаяся от этого тенденция. Она выражается в том, что праймериз ВПП "Единая Россия", проводимый онлайн, в том числе с привлечением портала государственных услуг Российской Федерации, становится существенным политическим событием для региона.

С институционально-нормативных позиций достаточно тяжело назвать последнее непосредственно подготовительным этапом к реализации ДЭГ. Однако в вопросах процедурного и политического характера, это безусловно можно считать подготовкой избирателя к использованию сервисов ДЭГ. Существенным фактором влияния здесь будет выступать повышение конкурентной борьбы до этапа официальной политической избирательной кампании, фактически до этапа выдвижения кандидатов и списков кандидатов политической партией. Другие политические партии также периодически через сво-

их лидеров и представителей заявляют о возможности внедрения механизма праймериз в том числе через электронные системы для голосования.

Тем не менее, на практике пока ни одна партия кроме ВПП "Единая Россия" не смогла реализовать этот механизм в полном объеме. Эксперты отмечают существенную политическую конкуренцию на праймериз даже на уровне крупных муниципалитетов. Влияние может быть как положительным в виде мобилизации электората задолго до начала избирательной кампании, так и отрицательным в виде психологической нагрузки для избирателя, который кроме дня голосования должен ещё раз предварительно осуществить "репетицию" этого процесса и, соответственно, психологическая мотивация приходит (пусть даже и электронно) на участок, неуклонно падает.

В то же время, если рассматривать это в контексте политической стратегии партии, здесь предусмотрен компенсационный механизм в виде повышения узнаваемости кандидатов и их списков. Для самих же кандидатов выигрыш будет заключаться в выдвижении от партии, что выступит как существенный маркер их высокого политического положения, так и в вопросах подготовки, в том числе электронных ресурсов в социальных сетях и платформах для будущей уже основной кампании. Ключевым здесь будет цифровой компонент, поскольку программы кандидатов, их биографии и другая необходимая информация размещается на ресурсах партии (специализированных сайтах), а также дублируется и обсуждается в социальных сетях, онлайн-каналах, мессенджерах.

Другим существенным фактором влияния ДЭГ на активность электоральных кампаний в регионах является создание пиар-кампаний во время первичного внедрения ДЭГ. Протестные и оппозиционные силы и партии чаще всего стремятся создать отдельные пиар-кампании, где пытаются выступить против внедрения цифровых и электронных новшеств. Чаще всего подобные онлайн-кампании выстраиваются вокруг аргументов нелегитимности результатов ДЭГ, необоснованных обвинений в мошенничестве при подсчёте ("электронное подкручивание") голосов, в непрозрачности работы механизмов ДЭГ, а также в невозможности верификации результатов ДЭГ. Отметим, что подобного рода позиции чаще всего сами являются манипуляциями и не могут быть рассмотрены как конструктивная критика. Заметим здесь, что не все оппозиционные партии одинаково выстраивают пиар-кампании и пиар-акции относительно инфоповода введения ДЭГ.

Так, к примеру, ЛДПР часто поддерживает введение ДЭГ и протестные информационные кампании со стороны представителей этой партии являются скорее выбивающимися из тренда. В то же время КПРФ в подавляющем большинстве случаев пытается выстраивать механизмы информационной политики в рамках "борьбы" с введением ДЭГ. Хотя существуют и представители данной партии в регионах, которые могут поддерживать ДЭГ, однако это скорее отклоняющаяся от распространённой практики позиция. Позиция ВПП "Новые люди" часто бывает ситуативной и колеблется от каждого конкретного случая в регионе. Остальные парламентские оппозиционные партии также прибегают к критике ДЭГ в целях пиара (кроме присутствующей в ГД ФС РФ ВПП "Родина"). Со стороны некоторых кандидатов фактор ДЭГ используется как информационная манипуляция, своего рода уловка, которая направлена на создание искусственного пункта для критического обсуждения в повестке кампаний, взамен реальных проблем избирательного округа.

Обратное явление можно наблюдать со стороны региональных избирательных комиссий, которые реализуют меры по политике информирования о возможностях использования ДЭГ. Цели последнего будут заключаться не только в простом донесении информации до избирателей, но и в необходимости создания положительного образа и доверия к данной цифровой технологии. В то же время в особых случаях избирательные комиссии прибегают к дополнительным информационным технологиям, в частности, к привлечению лидеров общественного мнения, государственных структур, а также активизации различного рода актуальных для региона каналов распространения информации (СМИ, блоги, группы в социальных сетях и каналы в мессенджерах), которые обычно не сопряжены с тематикой ДЭГ или голосования вообще.

Последнее можно отнести и к политическим экспертам регионов, особенно это проявляется в рамках рассматриваемых нами трёх федеральных округов (ЦФО, ПФО и СЗФО РФ). Это может быть расценено как некоторая информационная избыточность, приводящая к перекосу в информационной повестке, а также к превышению хорошо усваиваемых избирателями объёмов информации, отведённых для информирования о выборах для региональных избирательных комиссий. К примеру, нередко в региональном политическом процессе происходит вытеснение / замещение актуальной и важной информации о выборах (информирование о значимости региональных выборов, о ходе избирательной кампании, представление сведений о том, какие именно органы власти государства или муниципальных органов будут избраны и т.п.) – специфической информацией об электронных формах голосования (массовое информирование об особенностях ДЭГ, которое является лишь одним из вариантов голосования). При этом соотношение необходимой и значимой информации по отношению к специфической достигает порядка 50%–80% (в зависимости от региона), с явным преобладанием последней.

Другой пример: информирование о ДЭГ реализуется в достаточно большом количестве и повсеместно (используется неоправданно большое количество билбордов или рекламных мест на остановках в городе), что приводит к "информационной перегрузке" и психологической усталости избирателя от постоянного акцентирования внимания жителя данной территории на одном лишь аспекте избирательной кампании.

Информационные кампании региональных избирательных комиссий, избирательных кампаний кандидатов и политических партий являются лишь краткосрочными периодами в области влияния технологий ДЭГ, ограниченными по времени своего воздействия на политическую систему региона. В то же время такая политическая технология как использование онлайн-голосования в рамках праймериз является более протяжённой во времени и оказывает в целом заметное воздействие на региональный политический процесс.

Отметим также, что в редких случаях вопрос работы онлайн-голосования на праймериз может быть не связан напрямую с ДЭГ, а лишь способствовать легитимации цифровой технологии и выработке поведенческой привычки к использованию дистанционных сервисов при процедуре голосования.

Основное и наиболее действенное политическое влияние от внедрения ДЭГ на региональном уровне выражено в изменении целеполагания кандидатов и партий в вопросах как мобилизации электората, так и в более простых вопросах, к примеру, в привлечении лояльного электората к "виртуальному" участку для голосования.

В целом можно определить фундаментальные изменения в стратегиях избирательных штабов, которые главным образом будут выражены в политтехнологических решениях и необходимости изменения тактик электорального поведения. Наибольшую трансформацию можно видеть в городе федерального значения Москве, а также в Ярославской области (регионе, где изначально на федеральной платформе проводился ДЭГ) и Нижегородской области (часто используемый для реализации ДЭГ регион). Отметим, что это высоко урбанизированные регионы, с высоким покрытием сети Интернет, в частности в широком доступе в городах находится интернет на скорости передачи данных не ниже 4 G.

Наиболее сильно результат политического влияния технологий ДЭГ заметен как раз в крупных городах. Так, эксперт из города Покров Петушинского городского округа Владимирской области отмечает незначительное влияние ДЭГ как на явку избирателей и "избирательную стратегию" кандидатов, так и в целом на результаты избирательной кампании. В то же время в Москве, наоборот, отмечается существенное влияние по всем трём направлениям (избиратель, кандидат, результат).

Партия "парламентского большинства" наиболее эффективно построила свою работу с учётом внедрения технологии ДЭГ, сделав последнюю частью партийного имиджа и систематически подчеркивая своё положительное отношение к данной технологии, а также её активное использование сторонниками партии. При этом социально-политические методы мобилизации электората для голосования с помощью ДЭГ могут расцениваться как административные, цифровые, а также пиар-методы. Эта позиция поддерживает

ся в основном политическими технологами и консультантами из Москвы и не озвучивалась другими категориями экспертов.

В целом, практику использования ДЭГ можно охарактеризовать как положительную. Во-первых, следует констатировать отсутствие большого количества жалоб в правоохранительные органы и соответствующих правоприменительных актов, а также судебных процессов (за рядом исключений). Во-вторых, на региональном уровне не было зафиксировано существенных сбоев в работе портала "Госуслуг", а также сбоев собственно технологии ДЭГ.

Конечно, были зафиксированы лишь несколько несущественных сбоев, но их существо и характер не позволили на региональном уровне выстроить пиар-кампанию на основе данных сбоев. Можно привести в качестве примера подобного сбоя ситуацию, произошедшую в Ненецком автономном округе, которая, к слову, была оперативно решена специалистами из ЦИК РФ и ТИК ДЭГ. Так, в рамках избирательной кампании по выборам депутатов Архангельского областного собрания депутатов в 2023 г. система посчитала жителей Ненецкого автономного округа как жителей другого региона и ограничила им доступ к голосованию. Тем не менее, в первые утренние часы при открытии доступа к электронному голосованию, когда проблема была обнаружена, она была оперативно ликвидирована.

Политтехнологические компоненты влияния ДЭГ на избирательные кампании

Сегодня сформировались три основные, типичные стратегии использования ДЭГ как элемента избирательной региональной кампании.

Первая стратегия – максимальное привлечение лояльного электората к применению технологии ДЭГ. Причём, увеличение доли лояльного электората – это лишь первичная и предшествующая или параллельная задача, а уже после вхождения избирателя в группу лояльного электората, наступает реализация задачи стимулирования использования онлайн-голосования. Обычно такую стратегию могут реализовать лишь крупные политические партии, обладающие эффективно действующими региональными отделениями или отдельные кандидаты, имеющие региональный авторитет и политическое влияние.

Вторая стратегия главным образом ориентирована на формирование лояльного электората, а какую уже форму волеизъявления выберет избиратель (онлайн или офлайн голосование) является вторичным. Чаще всего такой стратегии придерживаются партии или кандидаты, у которых ограничены ресурсы для мониторинга голосования лояльного электората. Данная стратегия характерна для маленьких региональных отделений политических партий, которые все ресурсы вкладывают в увеличение уровня узнаваемости партии и её представителей в регионе, а также в преодоление формальных барьеров при выдвижении кандидатов. Здесь позиция, избирательная стратегия и политтехнологические приёмы, связанные с ДЭГ, являются не сформированными или чётко не выражаемыми.

Эта стратегия успешна в руральных (сельских и деревенских) условиях, где существует особый тип политической культуры [2, с. 738]. В целом, лояльность к ДЭГ в сельской местности является высокой, однако весьма редко используемой технологией. Чем выше и лучше покрытие сетью Интернет и чем крупнее поселение (вплоть до посёлка городского типа), тем больше используется ДЭГ. Однако, прямо противоположной к этой тенденции выглядит пропорция уровня доверия и необходимости дополнительной легитимации ДЭГ, по мнению большинства проинтервьюированных экспертов, из регионов, где в руральных зонах реализовывался ДЭГ.

Третья стратегия имеет преимущественно негативную позицию к ДЭГ, она связана с активным агитированием своих сторонников и лояльного электората не использовать данную технологию. Здесь реализуются пиар-кампании, ориентированные на дискредитацию технологий ДЭГ, результатов её функционирования, публикации критических материалов, негативных экспертных оценок на страницах социальных сетей кандидата или регионального отделения партии.

Отметим, что такая стратегия и тактика действий может быть эффективна только в рамках первой крупной избирательной кампании в регионе с

применением ДЭГ. В последующем данная стратегия, как показывает практика, становится неэффективной, поскольку реальное функционирование технологий ДЭГ развенчивает многие общественно-политические мифы, созданные в рамках первой избирательной кампании.

Как правило, это "политическое мифотворчество" конструирует образ неудобной, проблемной и очень сложной системы, которая специально создана для усложнения процедуры голосования, "затуманиванию" самого процесса выбора и подсчёта голосов. Однако, реальный избирательный опыт граждан как обычно показывает удобство, простоту и комфорт в использовании государственных сервисов. Более того, прозрачность и эффективность дистанционных процедур голосования подтверждается и наблюдателями (это, как правило, авторитетные и известные представители местного сообщества), присутствующими на едином участке контроля за реализацией ДЭГ. Развенчивание данного "политического мифотворчества" также происходит и через отсутствие реальных обращений граждан, представителей оппозиции в судебные инстанции, а также серьёзных административных и иных правонарушений, фиксируемых правоохранительными органами. Всё это в конечном итоге выбивает реальную основу для манипулятивных технологий и делегитимационных практик. Именно поэтому на практике многие оппозиционные партии или кандидаты в последующем смягчают свою региональную риторику.

Существенное влияние технологий ДЭГ на региональный политический процесс связано с формированием поведенческих паттернов у избирателя. Так, у социально-активного избирателя данные технологии формируют положительное отношение к ДЭГ, которое используется в качестве удобного сервиса, позволяющего наиболее мобильно реализовать свое конституционное право и гражданский долг. У другой части населения, находящейся на стадии выбора и принятия решения о форме реализации своих избирательных прав (в традиционном или онлайн формате), положительные поведенческие установки формируются различными механизмами, как правило, регионального стимулирования. В своём большинстве, как отмечают эксперты, использование технологий ДЭГ выражается в трансформации восприятия данной процедуры, воплощающейся в качестве утилитарного поведения по принципу выбора онлайн-покупки или вызова курьера. В регионах, где ДЭГ проходит уже как минимум три раза, у избирателя в принципе уже сформирована в своём большинстве положительная поведенческая привычка. Технология ДЭГ здесь стала частью привычной общественно-политической реальностью.

Следует обозначить и ряд рисков, выделяемых экспертами в ходе цифровизации избирательного процесса. Так, использование цифровых технологий как в рамках избирательной кампании, так и в целом в региональном политическом процессе, ведёт к формированию негативных "психологических эффектов" и "когнитивным искажениям", связанным со снижением важности и значимости общественно-политических решений, посредством цифровых технологий [9, с. 135].

В условиях дискурса дальнейшей цифровизации регионального политического процесса возникают опасения не только кибербезопасности как самих цифровых избирательных технологий, так и самой возможности моделирования и прогнозирования политических отношений в регионе. Более того, многие эксперты в качестве одной из будущих угроз выделяют алгоритмизацию гражданской активности и существенные риски цифрового манипулирования.

Ряд экспертов утверждали, что многие избиратели своё цифровое участие в политически значимых событиях воспринимают в качестве "виртуальной игры" или "игровой имитации". Тем не менее, последнее не следует трактовать как фактор однозначного снижения значимости избирательного процесса, поскольку многие респонденты, как правило, молодые избиратели, не подтверждали, что электронные формы голосования и вообще цифровой формат политического участия, имитирует политику и виртуализирует общественно-политическую активность.

Напротив, данные респонденты отмечали значимость своего дистанционно-электронного голосования, важность своего цифрового политического участия. Заметим, что цифровая трансформация политики рассматривает

проблему геймификации и игрового характера общественно-политического участия как важного элемента нового формата гражданского активизма, специфическую форму, характерную для новой цифровой культуры, "присутствия" в политической жизни общества и реализации своих гражданских обязанностей [23].

Заключение

Дистанционное электронное голосование в рассматриваемом макрорегионе трёх федеральных округов (ЦФО, ПФО, СЗФО РФ) можно характеризовать как технологический ответ на запрос населения по "интерактивному упрощению", удобству и мобильному политическому участию граждан. В то же время технология ДЭГ, как отмечалось выше, существенно трансформировало избирательную кампанию. В региональном политическом процессе данная технология становится важным фактором избирательных стратегий и важнейшим элементом пиар-кампаний.

В ходе исследования были выделены три типичные стратегии, реализуемые в рамках избирательных кампаний с использованием технологии ДЭГ. Первый тип – призывающие активно использовать ДЭГ и голосовать своих сторонников посредством данной технологии. Второй – нейтральное отношение, характеризующееся либо сдержанной критикой ДЭГ, либо умеренной поддержкой данной технологии и не придания большого значения ДЭГ в их политической повестке и избирательной практике. Третий тип – критика технологии ДЭГ и активный призыв своих сторонников к бойкоту последней. В то же время, как было установлено, если ДЭГ реализуется в регионе многократно, третья стратегия оказывается невыигрышной и происходит дрейф в сторону второй стратегии. Манипуляции, проводимые вокруг ДЭГ, сосредоточены главным образом в информационном-медиа поле, что обусловлено использованием фактора ДЭГ как потенциального инфоповода, чтобы создать информационную предпосылку для протестной активности или вызывания скепсиса по отношению к самому формату ДЭГ или избираемым с его использованием представителей власти.

В качестве рекомендаций по легитимации ДЭГ в регионах России следует выделить активизацию практик информирования, просвещения, мониторинга функционирования технологии ДЭГ, а также развития институтов гражданского контроля и объективного наблюдения за функционированием ДЭГ.

Литература / References

1. Аكوпова Т. С. Институты мышления – новый интеллектуальный проект // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Т. 6, № 3(23). С. 210–217. <https://doi.org/10.18255/2412-6519-2020-3-210-217>
Akopova T. S. Institutes of thought – a new intellectual project // Social and humanitarian knowledge. 2020. Vol. 6, N. 3(23). P. 210-217. (In Russ.). <https://doi.org/10.18255/2412-6519-2020-3-210-217>
2. Арутюнов А. Г. Реализация и легитимация результатов дистанционного электронного голосования в регионах России: особенности городских и сельских практик // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 3. С. 738–751. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-738-751>
Arutyunov A. G. Implementation and legitimation of the results of remote electronic voting in the regions of Russia: features of urban and rural practices // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2023. Vol. 25, N. 3. P. 738-751. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-738-751>
3. Баулина А. А. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2023662955 Российская Федерация. "Мониторинг ДЭГ" № 2023662051: заявл. 06.06.2023; опублик. 16.06.2023.
Baulina A. A. Certificate of state registration of a computer program No. 2023662955 Russian Federation. DEG Monitoring No. 2023662051: application 06.06.2023; published 16.06.2023. (In Russ.).
4. Борисов И. Б., Игнатов А. В. Электронное голосование в Эстонии бьет рекорды. Общее и особенное в международном развитии ДЭГ // Избирательное законодательство и практика. 2023. № 1. С. 14–20. <https://doi.org/10.18572/2500-0306-2023-1-14-20>

- Borisov I. B., Ignatov A. V. Electronic voting in Estonia is breaking records. General and special in the international development of DEG // Electoral legislation and practice. 2023. N. 1. P. 14–20. (In Russ.). <https://doi.org/10.18572/2500-0306-2023-1-14-20>
5. Виноградова И. М. Технология дистанционного электронного голосования в России: опыт реализации и дальнейшие перспективы // PolitBook. 2024. № 2. С. 51–76. <https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-2-51-76>
 - Vinogradova I. M. Public administration policy in Russia: the republic's experience and long-term prospects // Politbook. 2024. N. 2. P. 51–76. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-2-51-76>
 6. Володенков С. В., Федорченко С. Н., Печенкин Н. М. Особенности формирования мировоззрения в условиях современной цифровой среды: анализ академических дискурсов // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 1. С. 8–26. Volodenkov S. V., Fedorchenko S. N., Pechenkin N. M. Features of the formation of a worldview in the modern digital environment: an analysis of academic discourses // Discourse-Pi. 2023. Vol. 20, N. 1. P. 8–26. (In Russ.).
 7. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. 784 с. Zuboff S. The era of supervisory capitalism. The battle for the human future at the new frontiers of power. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2022. 784 p. (In Russ.).
 8. Игнатов А. В. Правовые аспекты дистанционного электронного голосования // Избирательное законодательство и практика. 2021. № 1. С. 10–15. <https://doi.org/10.18572/2500-0306-2021-1-10-15>
 - Ignatov A. V. The main experiments of electronic government // Public administration and practice. 2021. N. 1. P. 10–15. (In Russ.). <https://doi.org/10.18572/2500-0306-2021-1-10-15>
 9. Кочетков А. П., Мамычев А. Ю. Цифровая элита: тенденции формирования и развития // Политические исследования. 2024. № 4. С. 13–145. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.04.10>
 - Kochetkov A. P., Mamychyev A. Yu. The digital elite: formation and development trends // Polis. Political research. 2024. N. 4. P. 13–145. (In Russ.). <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.04.10>
 10. Кочетков А. П., Мамычев А. Ю., Мордовцев А. Ю. "Цифровой транзит" публично-властных отношений: общие и элитарные характеристики // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24. № 1. С. 109–134. Kochetkov A. P., Mamychyev A. Yu., Mordovtsev A. Yu. "Digital transit" of public-power relations: general and elite characteristics // Asia-Pacific region: economics, politics, law. 2022. Vol. 24, N. 1. P. 109–134. (In Russ.).
 11. Лонбин Ц. Образ мышления в науке о данных: Наступающая научно-техническая и экономическая революция. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. 552 с. Longbin Ts. The way of thinking in data science: The Coming scientific, technical and economic revolution. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2022. 552 p. (In Russ.).
 12. Набатникова Е. А. ДЭГ (дистанционное электронное голосование) в Российской Федерации // Умная цифровая экономика. 2022. Т. 2. № 1. С. 26–30. Nabatnikova E. A. DEG (remote electronic voting) in the Russian Federation // Smart digital economy. 2022. Vol. 2, N. 1. P. 26–30. (In Russ.).
 13. Новикова К. Ю. Международное законодательство в области "дистанционного электронного голосования" // Политконсультант. 2023. Т. 3. № 3. С. 1–7. URL: <https://politicjournal.ru/07pk323.html> (дата обращения: 05.05.2024). Novikova K. Y. International legislation in the field of "remote electronic voting" // Political Consultant. 2023. Vol. 3, N. 3. P. 1–7. URL: <https://politicjournal.ru/07pk323.html> (accessed 05.05.2024).
 14. Образ цифрового будущего России: формирование и репрезентации / Под общ. ред. В. В. Зотова, Г. Р. Консона, С. В. Володенкова. М.: МФТИ, 2024. 150 с. The image of Russia's digital Future: formation and representations / Under the general editorship of V. V. Zotov, G. R. Conson, S. V. Volodenkov. Moscow: MIPT, 2024. 150 p. (In Russ.).
 15. Сморгунув Л. В. Политическая онтология цифровизации и государственная управляемость / Ред. Л. В. Сморгунув. М.: Издательство "Аспект Пресс", 2022. 351 с. Smorgunov L. V. Political ontology of digitalization and state governance / Ed. by L. V. Smorgunov, Moscow: Aspect Press Publishing House, 2022. 351 p. (In Russ.).
 16. Урри Дж. Как выглядит будущее. М.: Издательский дом "Дело" РАНХиГС, 2018. 315 с. Urri J. What the future looks like. Moscow: Publishing house "Delo" RANHiGS, 2018. 315 p.
 17. Фёдоров В. И. Возвращение электронного голосования на парламентских выборах в Швейцарии в 2023 году // PolitBook. 2024. № 2. С. 77–92. <https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-2-77-92>
 - Fedorov V. I. The return of electronic voting in the parliamentary elections in Switzerland in 2023 // A. Metamorphoses. 2024. N. 2. P. 77–92. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-2-77-92>
 18. Ценность права в условиях цифровой реальности: монография / Общ. ред. Рыбакова О. Ю. М.: Проспект, 2024. 312 с.

- The value of law in the context of digital reality: a monograph / General ed. Rybakova O. Y. M.: Prospekt, 2024. 312 p. (In Russ.).
19. Эра электронной демократии: как устроено онлайн-голосование. URL: <https://www.ridus.ru/news/336071> (дата обращения: 05.05.2024).
The Era of electronic Democracy: how online voting works. URL: <https://www.ridus.ru/news/336071> (accessed 05.05.2024). (In Russ.).
 20. Finogina T., Herranz Ja. On remote electronic voting with both coercion resistance and cast-as-intended verifiability // *Journal of Information Security and Applications*. 2023. Vol. 76. P. 103554. <https://doi.org/10.1016/j.jisa.2023.103554>
 21. O'Neil K. *Weapons of math destruction: How big data increases inequality and threatens democracy*. New York: Crown Publishing Group, 2016. 259 p.
 22. Sereda M. A., Yasyrkina V. A., Malinenko E. V. Remote electronic voting // *Научный Альманах ассоциации France – Kazakhstan*. 2023. N. 6. P. 42–49.
 23. Wulf L. The gamification of political participation // *Moral Philosophy and Politics*. 2019. № 6. P. 261–280.

Информация об авторах

Алексей Юрьевич Мамычев, д-р полит. наук, канд. юрид. наук, заведующий лабораторией политико-правовых и социально-экономических исследований Владивостокского государственного университета, Владивосток, Россия; профессор кафедры российской политики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, e-mail: mamychev@yandex.ru

Антон Георгиевич Арутюнов, младший научный сотрудник Владивостокского государственного университета, Владивосток, Россия; аспирант Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, e-mail: anton.arutyunov.98@mail.ru

Information about the authors

Alexey Yu. Mamychev, Doctor of Political Sciences, Candidate of Law, Head of the Laboratory of Political, Legal and Socio-Economic Research, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia; Professor of the Department of Russian Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, e-mail: mamychev@yandex.ru

Anton G. Arutyunov, Junior Researcher, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia; Postgraduate Student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, e-mail: anton.arutyunov.98@mail.ru

Поступила в редакцию 23.10.2024

Received 23.10.2024

Одобрена после рецензирования 11.02.2025

Approved 11.02.2025

Принята к публикации 25.02.2025

Accepted 25.02.2025